

Печатаем третью главу коллек-
тивной повести-ленты о завоев-
ании и становлении Советской
власти на Алтае. Первые главы
напечатаны в №№ 156—158 и
171—173 «Алтайской правды».

1.

Затишье бывает обманчивым. В
дущий теплоте чувствуется, как
скользят электрические заря-
ды. Пусть еще безоблачно небо, но
барометр угрожающе падает, обе-
щая близкую грозу.

Не все чувствовали ее и ждали. В
1911 году тон барнаульских газет
«Жизнь Алтая» и «Алтайская газе-
та» свидетельствовал об успокоении
и полном благоденствии властей,
бужущими и ее приспешников.

Первые страницы пестрили сног-
сшибательными рекламами. Торго-
вой дом «Морозов с сыновьями» с
упоминанием превозносил знаменитую
виноторговую фирму: «Нежинская
рибина Шустова — несравненная». К
пьяному столу рекомендовались все-
возможные балыки, разная икра,
анчоусы и другая изысканная снедь.
Пимокатам и ремесленному люду
было не до деликатесов — обходи-
лись требушиной.

Богачи чувствовали на себе хму-
рые взгляды «черни», но не прида-
вали им значения. Кутали, как пе-
ред последним днем.

В театрах-космополитах «Иллю-
зион», «Гриумф», в Народном доме
и городском Общественном собра-
нии* шли картины и представления
с интригующими названиями,
вроде «захватывающих» драм «Бес-
страшная американка», «Без исхо-
да», «Рыбаки гарема», «Ванька-
ключник» или пустые водевили «Ле-
тючка сегодня наказана», «Как те-
тушка удалось выйти замуж», «Утопленник в чеподане».

...В один из летних дней по улице
Мало-Тобольской** неторопливыми
шагами, раздумывая о чем-то,
шли двое. Когда проходили мимо

(* Угол Социалистического проспек-
та и улицы Короленко. Теперь здесь сло-
ва хлебозавод.

**) ул. Льва Толстого.

НАКАНУНЕ

П. БОРОДКИН.

гостиницы «Россия», молодой муж-
чина в белой косоворотке, перехвачен-
ной черным пояском, предложил
своему спутнику:

— Может, здесь и остановиться?..

Спутник взглянул на приветливую
высокую, вспомнил, как газета рас-
хваливала вновь открывшись ном-
мера: «Господам, приезжавшим в
Барнаул, рекомендуется останав-
ливаться в гостинице... Чисто, уют-
но, спокойно. Обеды из свежей про-
визы!»..

— Нет, Архип Андреевич, во всех
отношениях такое убежище не для
нас...

— Пожалуй, — согласился Архип
Селезнев, барнаульский пимокат-ре-
волюционер. Его спутником был
только что приехавший в Барнаул
томский большевик Иннокентий Стуков (Инсаров). Цель приезда

Стукова — помочь восстановить в
Барнауле организацию РСДРП.

Устроившись на квартиру, Стуков
работал не спеша, исподволь, зорко
присматриваясь к людям. Мало-
помалу организовалась революцион-
ный кружок. В него вошли Архип
Селезнев, Михаил Ярков, его сестра
Варя, Семен Елисеев, Петр Тузов-
ский, сестры Третьяковы — Ираида и
Нина.

Все чаще собирались на квартире
Архипа Селезнева или в маленьком
домике Ярковых на улице Большой
Змеевской*. Хозяин поставил сам-
вар, либо возьмет колоду карт — пе-
рекинуться в подкладного. Будто
собирались знакомые на именины
или просто так, скротать вечерок.
Но вот отодвинет Стуков чашку чаю,
отложит карты, привычно спросит:

— С чего начнем сегодня?

Собрание окживалось. Читали и
разбирали произведения русских
классиков, чтобы лучше понять
жизнь. С жадностью доискивались
первопричин социальной неспра-
ведливости, изучали марксистскую
политэкономику.

Некоторое время спустя возникли
другие такие же кружки в нагорной
части города и при читальной ком-
муне производственного кооператива
«Труженики».

Кружковцы понесли в массы сло-
ва большевистской правды.

Михаил Ярков был
свой человек у водников. Еще в 1907 году
он взглянул их заба-
стовку. А у Архипа Се-
лезнева прочные связи с пимокатами. Стройте-
ли с интересом слуша-
ли маляря и штукатурку
Петра Тузовского, а
сестры Третьяковы бы-
ли всегда желанными
гостями у оппозиционно
настроенной части ин-
теллигентии.

Под воздействием ре-
волюционной пропаган-
ды вскоре заговорили
рабочие. Не так громко,
как бывало, но столь
явственно, что уши ох-
раки без труда улови-
ли знакомые нотки не-
довольства существую-
щими порядками.

Усилилась агентур-
ная слежка. Вскоре
было установлено, что
«крамола» исходит от
некоего Стукова. Но и
Стуков, опытный кон-

спиратор, почувствовал повышенное
внимание жандармерии и полиции.
Накануне ареста он внезапно исчез из
Барнаула. Его примеру по-
следовали некоторые активные
кружковцы, другие же на время
притихли.

Время работало на революционе-
ров-энтузиастов.

В конце лета 1912 года уехавший
в Томск Архип Селезнев возвратил-
ся в Барнаул, и не один. С ним при-
ехал бежавший из нарымской ссылки
большевик. Барнаульские под-
польщики сначала знали его под
именем Ивана Алексеевича Тяпкина.
На самом деле это был Иван Во-
нибратович Присягин, видный про-
фессиональный большевик, член
партии с 1904 года.

В 1911 году в Лонжюмо (Фран-
ция) Ленин создал партийную школу.
Партийные организации в Рос-
сии производили тщательный отбор
слушателей в ленинскую школу. В
их число от Московской организации
большевиков вошел Иван Присягин.
Он был хорошим, душевным товари-
щем, снискав любовь слушателей и ста-
стал старостой школы.

В этой школе учился и видный
деятель нашей партии Серго Орджони-
кидзе.

Глубоко впитал в себя Присягин
ленинскую науку из уст великого
вождя. И не только науку. Харак-
тер бойца-революционера выковы-
вался тоже под воздействием
Ленина.

После успешного окончания школы
Присягин снова в Москве. Кипучую
деятельность по подготовке к
Пражской конференции большеви-
ков прервали арест и ссылка в да-
лекий Нарымский край.

2.

Жандармский ротмистр Коробаков
был не на плохом счету у своего
начальства. Он отличался тонким
профессиональным чутьем, буль-
дожкой хваткой и хитростью ума.

Еще несколько месяцев назад рот-
мист узнал о том, что в Барнауле
существует социал-демократическая
организация. Узнал и принялся до-
тально и терпеливо собирать сведе-
ния о ней. Для этого разработал

хитроумную систему слежки. Соби-
рая донос на доносом, ротмистр до-
вольно потирая руки:

— Заседаете? Знаем-с. Проклама-
цию пописываете? Знаем-с! Потряс-
ти основы государства затеваете? А
мы вас в левую руку сожмем, вот
как-с, а правой прихлопнем.

Приезд Присягина внес заметное
оживление в ряды барнаульских
большевиков.

Сентябрьским вечером к скромно-
му дому на улице Большой Змеев-
ской поодиночке подходили люди.
Прежде чем открыть калитку во двор,
останавливались, будто люби-
лись осенней красотой. В свете
закатного солнца золотились пау-
тички. Медленно кружились в воз-
духе желтые и багряные листья. На
тихой улице — ни души. Убедив-
шись в безопасности, люди исчезали
во дворе.

Гостеприимный хозяин Михаил
Ярков радушно встречал вошед-
ших, усаджал за стол, накрывал
для чаепития. В маленькой кухоньке
уже кипел веденый самовар.

Хозяин закрыл дверь, коротко
повестив:

— Все в сбере...

Сел на край скамьи и стал неза-
метным среди собравшихся.

Так 7 сентября 1912 года началось
заседание Барнаульского комитета

РСДРП. Вопросы обсуждались не-
многословно, деловито. Когда речь
зашла об участии партийной орга-
низации в предстоящих выборах в
IV Государственную думу, слово
взял Присягин. Незадолго перед
этим его кооптировали в состав ко-
митета.

— Надо приложить все силы,
чтобы социал-демократические канди-
даты в депутаты Думы получили
абсолютное большинство голосов.
Законы, принятые предшествующи-
ми

одиночкой. Член комитета Ефим Кру-
тиков, весельчик и балагур, залпом
упорхнул чашку оставшегося чая.

— Вот как наши умеют.

Сказал и рассмеялся, а в гла-
зах будто льдинки колющие.

Настало дни напряженной рабо-
ты. Чтобы печатать прокламацию,
нужно было иметь подпольную ти-
пографию. По винтику добывали
оборудование. Федор Ильиных ока-
зался героям. Хоть и трудно было, и

боевщиком, и его усадьба находи-
лась при спуске из деревни Бель-
севой на прибрежные луга. Там и бы-
ла типография. Петя Ильиных сам
возил туда шрифты на лошадях.

17 сентября 1912 года снова зас-
едал Барнаульский комитет РСДРП.
Собрались, чтобы прочитать три ва-
рианта предвыборных прокламаций.
Лучший признали ту, которую напи-
сал Присягин. Не только по стилю,
но и по политической остроте. Она
заканчивалась революционными
призываами:

«Долой паразитов! Долой сам-
одержавие! Да здравствует Россий-
ская социал-демократическая рабо-
чая партия!»

Член комитета Михаил Ярков
получил задание — отпечатать в
типографии 300 экземпляров про-
кламации. Глухой ночью Михаил
верстал прокламацию вместе с на-
бранщиком Ираидой Третьяковой.

И вот они, пахнущие типографи-
ческой краской, шлиестали в руках членов
комитета. У всех приподнятое
настроение. Комитет действует! Ко-
митет несет идеи партии в народ!

Не знали члены комитета только
одного, что в это самое время рот-
мист Коробаков с довольной
ульбкой читал фотокопии прися-
гинской прокламации. Кто-то тонко
сработал. Выкрад подлинник про-
кламации для снятия фотокопии и
незаметно вернулся обратно. Такое
мог сделать только человек, посвя-
щенный во все дела комитета. Но
что?

Не прошло и двух дней, как на-
гринула беда. Полиция арестовала
всех членов Барнаульской партий-
ной организации.

Ротмистр не скрывал радости по
случаю происшедшего. В числе арес-
тованных был и ученик ленинской
школы Иван Присягин, которого по-
лиция обнаружила на квартире Ар-
хипа Селезнева.

А провокатором оказался Ефим
Крутиков. Он давно был связан с
жандармерией, но думская трибуна
дает возможность большевикам в от-
крытую разоблачать антинародную
политику царизма...

За шесть дней типография была
готова. Разместилась она в укром-
ном месте, мало приметном для по-
стороннего взгляда.

До сих пор считали, что типогра-
фия была устроена в бане на усадь-
бе крестьянина Климентия Просе-
кова в окрестностях Ерестной. Но
живущий сейчас в Барнауле брат
Федора Ильиных Петр вносит су-
щественную поправку. Ерестинский
крестьянин Просеков был луго-

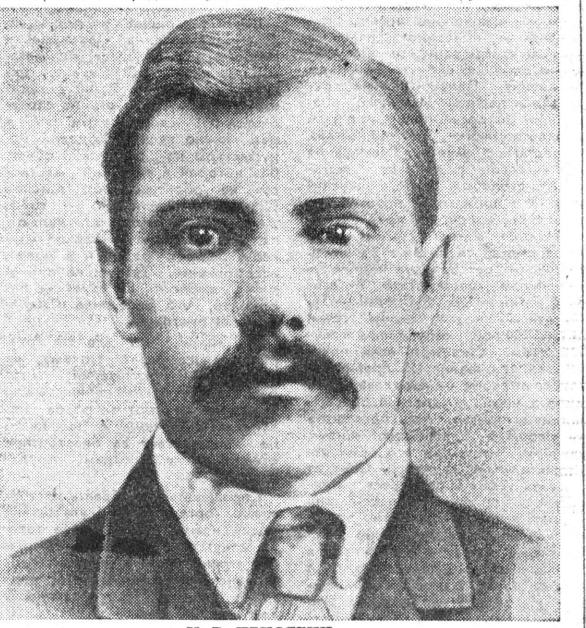
рискованно, а обеспечил типогра-
фию шрифтом.

За шесть дней типография была
готова. Разместилась она в укром-
ном месте, мало приметном для по-
стороннего взгляда.

До сих пор считали, что типогра-
фия была устроена в бане на усадь-
бе крестьянина Климентия Просе-
кова в окрестностях Ерестной. Но
живущий сейчас в Барнауле брат
Федора Ильиных Петр вносит су-
щественную поправку. Ерестинский
крестьянин Просеков был луго-

После полного провала барнауль-
ской организации долгое время не-
могла подняться на ноги...

(Окончание в следующем но-
мере).

И. В. ПРИСЯГИН.

В этом домике жил Михаил Ярков. Здесь собирались члены Барнаульского комитета РСДРП.

*) ул. Аванесова, напротив кинотеатра «Алтай».

Война... Известие о ней на Алтае было воспринято по-разному. Представители властей, упитанные буржуа ходили грудью на вышат. На лицах — выражение строгой торжественности и важности. «Мы защитники нашей святой матушки-России!» — церемонно говорили купцы и лабазники и в избытке патриотических чувств шли жирно и вкусно жрать.

Священники с церковных амбонов до хрипоты костерили расстрошенного «германца» и призывали на его голову небесные громы и молнии.

А у простого народа на лицах не-
доумение и тревога.

Война...

На сборных пунктах проливались реки слез. Горько причитали женщины, расставаясь с мужьями, сыновьями, и эти причитания жутко сливались с заупокойным треньканьем балалаек, хватавшими за душу взрыдами гармошек.

Алеха появился в самой гуще во-
вобранцев. Беспытную руку вперед, напоказ выставлял — перед зелеными, необстрелянными новобранцами гордился немало боевой меткой. Слушая подводящий выпад — Алеха начинал глубокомысленно поучать:

— На войне, паря, самое главное — не робеть.

Офицер заметил — турнул Алеху.

— Шляешься тут, смущаешь солдат своим калечеством.

У Народного дома подвыпивших призывающих опепелил плотоядное людское колцо. С истоным гиканьем в лихом переплеясе исосился по кругу маленький и кругленький, как колобок, новобранец. Гармонист едва поспевал за ним пальцами по клавишам. Плясун то и дело сыпал неуклюжими импровизированными приевками.

— Нам ерманец напотом.
Мы ёво в войне побьем!
Вот так, барыня! Вот, сударыня!..
Городской голова, крупный чинов-

окончание. Начало в № за 12 сентября.

НАКАНУНЕ

П. БОРОДКИН.

ник Алтайского округа Лесновский, увидев эту склонку, разомел от удовольствия. Он не преминул заявить гласным городской думы о «небывалом патриотическом подъеме простого народа». Экстренное заседание городской думы послало телеграмму самому царю с выражением «верноподданических чувств» и «горячего пожелания побед русского оружия... на славу обожаемого монарха»...

И вдруг события потекли совсем по другому руслу.

Из села на барнаульский сборный пункт медленно ползли обозы с призывающими.

19 июля 1914 года в село Павловское по трем трактовым дорогам съехалось свыше трех тысяч призывающих. В ожидании подвод горвили разное.

— Чево сидим, сложа руки?
— От скучи века не доживешь...

И тут чей-то голос, будто искра на порох:

— Куда только гонят... Дома у кого невеста, у кого семья, и работы пропра!

— А что, не поедем, и кирышка!
— По домам, мужики, по домам!

И прежде, чем войска с полицией восставали «порядок», призывающие разгромили и сожгли дом волостного правления, контуру лесничества, винную лавку.

Через день такое же произошло в Бутырках, Мормышах, Ключах. В селе Шахи для острастки избили полицейского урядника и волостного старшину.

Барнаульский уездный исправник Григорьев в течение шести дней восемнадцать раз телеграфировал о крупных волнениях призывающих. Упоминались и пункты волиений — села Медведевское, Камень, Юдиха, Шелаболиха, Тюменцево, Панкрушиха, Крутых, Ключи, Ярки и другие.

А особенно большие события произошли в Барнауле. Здесь скопились тысячи призывающих. Тот же исправник доносил томскому губернатору: «По мере прибытия и скопления в городе чинов заласа замечалось их возбужденное настроение...

Исправник оказался тонким проповедцем. 22 июля толпы призывающих, по нескользкому сот человек каждая, появлялись в разных местах города. Трагические события брали начало от винного склада. Здесь дорогу новобранцам преградил отряд с офицером и полицейским надзирателем. Послышилась команда: «Заряди ружьем!». Но толпе проатились гул. В солдаты полетели камни, польены. Они не решились стрелять и разбежались. На место стычки явились уездный исправник, прокурор, начальник жандармского управления ротмистр Назаревский.

Жандарм вел себя надменно.

— Расходитесь, не медля ни минуты! — приказал он.

Когда толпа, как бы в замешательстве, задержалась на какое-то

время, ротмистр допустил непоправимую ошибку. В его руках холодно и угрожающе блеснула револьвер.

— А-а, стрелять надумал, вано благородие!

Сзади незаметно, по-кошачьи подкрался призывающий. Тяжелый удар по голове четвертной бутылью с водкой поворг ротмистра на землю.

— Пра-а-вильно! Так его!

— Подать еще горячего!

Десятки кулачков опустились на ротмистра. Жандарм чудом спасся от гибели.

Почти год назад здесь возроди-

бительный огонь. Десять новобранцев были убиты, сто два ранены.

24 июля исправник оптимистически доложил: «В данное время порядок и безопасность в городе возможны считать установленными...».

Полицейский порядок — одно понятие, а отношение простого люда к войне «за веру, царя и отечество» — понятие совершенно другое.

4.

Сибирякам-алтайцам не занимать храбости и отваги. На фронте дрались самоотверженно. Некоторые становились полными Георгиевских кавалерами, но больше погибли на полях сражений или тяжелораненые возвращались домой доживать свою горькую нищую жизнь.

Летом 1916 года по ранению вернулся в Барнаул большевик Лолий Решетников.

Почти год назад здесь возроди-

татов и эксплуатируемых. Есть одна дружная семья народов. Воскресите в памяти одну из картин весеннего половодья. Вода затопляет остров. На нем стечением обстоятельств заброшены волк и теленок. Волк голоден, но равнодушен к теленку. Почему? Тот и другой заняты одними помыслами о спасении. Это непреложная истинка...

— Но они заняты каждый для себя и не действуют сообща, — вставил большевик Архип Селезнев.

Казанцев прищурял глаза. В них взыграло насмешка и презрение.

— Мы проводим классовый мир во имя защиты многострадального отечества и победы над врагом! Обратите взгляд в историю, если вы знакомы с ней. Разве примеры Сусланова, Минина, староцеркви Васильевы — не подтверждение наших утверждений?..

Тогда порывисто встал с места, закидал Решетников. С рукой на переносице он бросил слова неумолимой и кочующей правды:

— Рабочему и крестьянину такая война ничего не приносит, кроме смерти и страданий!

К этому времени в Барнауле появился новый большевик — Матвей Константинович Цаплин. У него большая партийная биография. Членом Ленинской партии он стал в 1905 году. Когда грянули раскаты грома первой русской революции, Цаплин работал в Щве и Иваново-Вознесенске вместе с М. В. Фрунзе, получал от него указания. Затем долгие годы ссылки вместе с Я. М. Свердловым. Холодная, непринятая Сибирь не сломила, а закалила Цаплина. Находясь под гласным надзором полиции, он оставался все тем же убежденным большевиком. В Томске он окончил межевые курсы и в 1916 году приехал техником в управление Алтайского округа.

Когда брал слово Цаплин, меньшевики замолкали — видели в нем достойного и сильного противника.

— Товарищ Решетников, более чем прав, — говорил Цаплин, — но я дополню его. Мы тоже за отечество, но не Романовых и их приспешников. Мы — за отечество, свободное от эксплуататоров!..

— Где оно, ваше отечество?..

Визг меньшевика Спекторского перебил спокойный и увереный голос Цаплина:

— Его нет еще, но оно будет!..

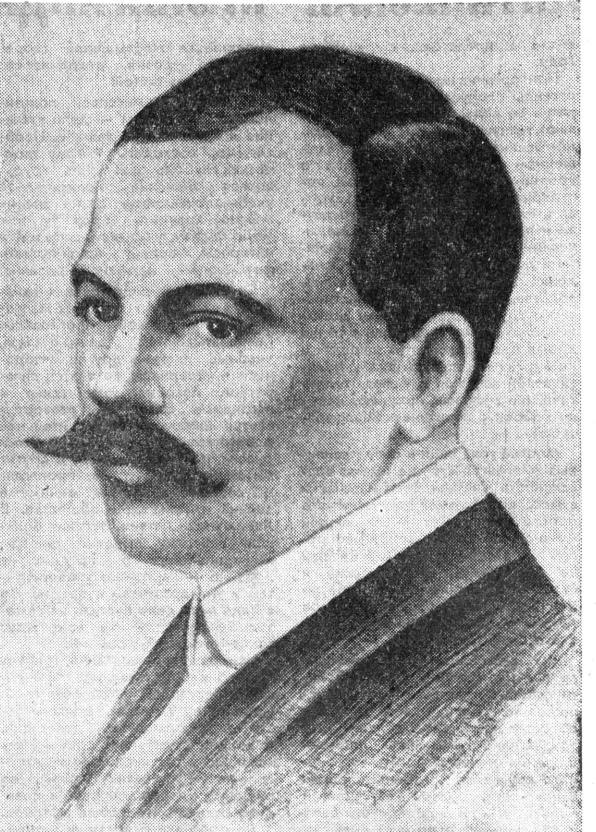
С твердой верой в силы народные шли большевики к рабочим-пимо-катам, строителям, водникам, железнодорожникам, шубникам, металлистам. Возникли подпольные революционные кружки. Жизнь опровергала гнилую меньшевистскую формулу о так называемом классовом мире.

Удорожание жизни, вызванное войной, неисчислимые жертвы на фронте усиливали недовольство народа существующим строем.

Пришло отступить и эсеровским краснобоям, которые проникли со словами «умиротворение» в деревню. Революционные настроения алтайских крестьян неуклонно нарастали. Крестьяне снова начали распоряжаться по собственному усмотрению землей и лесом.

Громче зазывали голоса женщин-солдаток против проклятой войны.

Во всем чувствовалось приближение неотвратимого краха прогнившего царизма.

М. К. ЦАПЛИН.